

Матьяна Алюшина

Все лики
любви

Еще раз про любовь

Татьяна Алюшина

Все лики любви

«ЭКСМО»

2014

Алюшина Т. А.

Все лики любви / Т. А. Алюшина — «Эксмо», 2014 — (Еще раз про любовь)

ISBN 978-5-699-70385-2

В юности Вера пережила иссушающую страсть, больше всего похожую на тяжелую изнурительную болезнь. С тех пор в ее сердце словно выжгли дыру, и отношения с мужчинами никак не складывались. Так продолжалось до того момента, пока Верочке не встретился действительно ее человек. Но можно ли ожидать от него ответного чувства, если между ними не только груз прожитых лет, но и разница в социальном положении?..

ISBN 978-5-699-70385-2

© Алюшина Т. А., 2014

© Эксмо, 2014

Татьяна Алюшина

Все лики любви

Что она здесь делает?! Это безумие какое-то!

Ей казалось, что все вокруг нереально, взято из навязчивой дешевой фантастики, словно она провалилась в пространстве и времени, и нет хода назад. Словно она вынуждена проживать чью-то чужую жизнь в другом, далеком времени!

Ей сделалось вдруг по-настоящему страшно! Очень!

Она навалилась грудью на край окопа и смотрела, как бегут по полю, удаляясь и становясь все меньше и меньше, фигурки в зеленой разномастного оттенка форме – у кого-то темно-зеленая, новенькая до хруста, а на ком-то словно старая, цвета выцветшей горчицы – и некоторые из этих фигурок падают на землю и уже не поднимаются. Смотрела и вжималась телом и левой щекой в бруствер окопа при каждом взрыве, прикрывая голову ладонью поверх форменной пилотки со звездочкой и наливаясь внутри каким-то тяжелым страхом, которого никогда не испытывала.

Мама дорогая! Зачем, для чего она здесь?!

До нее доносились удаляющиеся крики «Ура-а-а!», заглушаемые безостановочными взрывами, и на какое-то мгновение ощущение провала во времени усилилось, и показалось, что она и на самом деле на той войне, и нет никакого выхода из нее, и все смертельно реально. Пришлось даже головой сильно потрясти, чтобы немедленно выскочить из этого ужасающего ощущения и напомнить себе, что все это понарошку. Ну, не совсем понарошку...

Ее бы сейчас сфотографировать в этой красочной позе с согнутыми коленками, отклячившую пятую точку и вжимающуюся грудью и щекой в окопную насыпь. Сфотографировать и поместить на предупреждающий плакат: «Люди, будьте бдительны – вот к чему приводит чрезмерное чувство благодарности!»

А куда деваться, ну не смогла она отказать Виктору Аркадьевичу!

И как откажешь, если он ее благодетель, учитель и наставник?

Он – гениальный хирург и ее непосредственный начальник, а она ему на самом деле ну очень многим обязана. Ну что делать, есть у него некий пунктик, увлечение всей жизни: с детства изучает Виктор Аркадьевич Васильев историю Великой Отечественной войны, известные и малоизвестные бои и сражения, людей того времени, оружие, события. И посвящает этому все свое свободное время, которого, надо отметить, у него совсем немного. На раскопки с поисковыми группами, правда, бог миловал, не ходил, это уж перебор для столь занятого человека, но вот в исторических реконструкциях сражений несколько раз участие принимал с большим душевным воодушевлением.

В этом году перед Днем Победы, в первых числах мая, намечалась самая масштабная реконструкция одного из сражений Великой Отечественной войны из всех, какие только проводились до сих пор! Не меньше пятисот участников, полная, выверенная историческая достоверность во всем: в вооружении, обмундировании, атрибутах, деталях и вещах того времени. Некоторые будут выступать в ролях реальных людей, тех, кто на самом деле принимал в этом сражении участие.

Специально проводилась огромная поисковая и подготовительная работа по изучению всех деталей того далекого сражения. Сделали сайт в Интернете, куда могли присылать воспоминания ветераны, и рекламу серьезную давали. Мероприятие финансировали и собирались снимать сразу несколько телевизионных каналов, и еще какие-то документалисты, немецкие в том числе, а также киношники – для художественного фильма про войну. Ну и другие спонсоры имелись. Словом, народу участвовало и работало над воплощением замысла несколько тысяч, настолько он разросся по мере подготовки и стал грандиозным.

Вера бы с удовольствием послушала об этом из уст Васильева – вот честное слово! – он умел красочно и хорошо говорить и так увлекался собственным рассказом, посверкивая глазами и жестикулируя, углублялся в интересные детали, что неизменно завораживал всех слушавших. Она бы и по телику посмотрела, что там наснимут, и видео в Инете в поддержку повествованию посмотрела – с большим чувством на теплом диванчике дома. Да только у провидения имелись свои расклады на этот счет.

Случилось так, что любимая жена и соратница Виктора Аркадьевича Елена Максимовна, которая мудро поддерживала и разделяла все увлечения мужа и ездила с ним на каждую реконструкцию, за несколько дней до мероприятия сломала ногу, ну буквально на ровном месте неудачно наступив на камень, и, понятное дело, принимать участие в этой постановке уже не могла.

Васильев ринулся искать ей замену, уговаривая женщин-коллег. Больничные дамы от перспективы изображать санинструктора ВОВ, ползать на брюхе по полю сражения, перевязывать «раненых» и исторически достоверно тягать их в окопы, не то что отказались, а категорически отказались, чуть ли не со справками доказывая, что не имеют такой физической возможности, и прятались от разъяренного Виктора Аркадьевича по углам.

Но у нас же есть Вера!

Она Васильеву отказать не могла, даже если б он предложил ей слетать на Луну или, скажем, на Марс какой, в качестве научного эксперимента, а вот спрятаться не успела – не шустра оказалась в этот раз. Была застукана и нежно уговорена:

– Верочка, я тебе три выходных дам! – начал со «взятки» Васильев. – Полтора дня на сражение, утром туда, на следующий день днем обратно, и еще полтора дня свободных. Выручай, Верунчик! – закончил он просьбой.

Без вариантов. Совсем ранним утром следующего дня, просто неприлично ранним: в пять утра, она досыпала на плече у Васильева, сидя в автобусе, увозившем их куда-то километров за двести от Москвы, и на каждой дорожной колдобине, сквозь дрему, вяло поругивала себя за нерасторопность в «прятках».

И вот теперь, на месте, прижимаясь к стенке настоящего окопа, трясется от совершенно непостижимого и непонятно откуда взявшегося страха.

Все это может показаться смешным и нелепым, но, черт побери, как же правдоподобно! Вот честное слово – до жути!

Та война, те эмоции, чувства, сила внутреннего напряжения так не соединялись с изнеженным, размякшим и разбалованным современным человеком, что не получалось даже представить его в тех обстоятельствах, в тех событиях, в ситуации тех жизненных выборов!

Вера думала, что ей, человеку нынешнего времени, не удастся постичь разумом, как могли солдаты заставить себя подняться из окопов и шагнуть навстречу смерти! Такой очевидной и неизбежной, смрадно ухмыляющейся в лицо!

Как они себя пересиливали?! Сделать этот шаг значило сломать в себе самое главное человеческое чувство самосохранения! Здесь, в окопе, еще была жизнь и какое-то укрытие, пусть хлипкое и условное, но все же укрытие, а там, впереди – только смерть! Явная беспросветная – смерть! И они знали это, чувствовали всеми обострившимися инстинктами – и шагали вперед!

Как, каким усилием воли они выкидывали свои тела из окопов навстречу пулям и разрывам снарядов! Непостижимо! Этот каждодневный героизм поражал! Наверное, они были другими: сильнее, что ли, чище, глубже...

И ладно, где-то можно допустить и понять этот подвиг, пусть и не до конца, а скорее чисто теоретически, понять мужчин, защищавших свою землю, семьи, дома, но девчонки-медсестрички?! Они-то как?!

Под пули и дождь осколков!

Вот, например, Вера сидит в окопе, вырытом в полный профиль, как называют это военные. Она точно знает, что все, что сейчас с ней происходит, не вразравду – и пули не свистят «у виска», потому что холостые патроны у всех, и снаряды не рвутся смертоносным железом, потому что все взрывы киношные, бутафорские, и у каждого участника есть карта, где отмечены места закладки снарядов и проходы между ними, и самолеты не бомбят, хоть и летают низенько и бросают какие-то болванки, которые жутко воют, и танки утробно бабахают холостыми... Знает, но ее все равно трясет от страха, холодным комом застрявшего где-то в животе, потому что эта реконструкция, чтоб ей пусто было, оказалась невероятно правдоподобна!

А самое поганое, что вот сейчас ей придется вылезать из окопа и бежать по полю, согнувшись в три погибели, в поисках «раненых». По плану, когда волна наступавших солдат ушла вперед на определенное расстояние, санинструкторы приступали к своей работе, все действия выверены детально по времени.

– Медсестрички, на исходную! – раздалось в наушнике так неожиданно, что она аж вздрогнула.

Ах да, от переживаний и слишком сильных эмоций, так странно непредсказуемо накрывших с головой, она забыла про рацию. Их раздали тем, кому были отведены роли командиров, и медсестрам. Медсестрам для того, чтобы сообщали, если понадобится настоящая помощь – мало ли, кому плохо стало, или травмируется кто. Действие-то и на самом деле получилось грандиозным – им руководили режиссеры-постановщики, их многочисленные помощники, всяческие технические службы и большое количество военных консультантов.

Баталия, одним словом. И танки были, много, она не считала сколько, и самолеты, и все времен войны – абсолютная историческая достоверность.

Если честно – впечатляло!

Ее вон даже проняло до страха и почти реального ощущения провала во времени. Надо же! Никогда такого с ней не было! И чтобы прямо вот так, страшно!

Вера посмотрела на рацию в руке, порадовавшись, как родному, этому совершенно современному девайсу, вид которого немного отрезвил и успокоил разгулявшуюся не в меру фантазию.

– Девочки, пошли! – раздался громкий приказ из рации.

– Мама дорогая! – пожаловалась в пространство Вера и полезла из окопа.

Вот, как на духу! – она бы лучше храбро посидела в тылу!

Весьма неэстетично полезла, как-то враскорячку, несколько раз сползая коленками с высокой для нее насыпи, елозя по влажной, холодной земле кирзовыми сапожищами. Кстати, для этих целей, то есть для быстрого выскакивания из окопчика по команде «в атаку!», имелась небольшая приступка чуть дальше, метрах в трех от того места, где ковырялась неуклюжей гусеницей Вера, пытаясь вылезти. Но в своих переживаниях она совершенно об этом забыла, хотя «командиры» и предупреждали всех о «ступенечке», а Вера наблюдала, как выскакивают солдаты. А вот сейчас забыла. Но вылезла. Ругнулась про себя не матерно, а так, в легкую, поправила на боку тяжеленную брезентовую сумку с красным крестом в белом круге и, согнувшись в три погибели, на полусогнутых побежала под условным «градом пуль» к лежавшим впереди «телам».

Минут через десять таких перебежек и перелазов по земле от «раненого к убитому» Вере уже вовсю и всерьез хотелось материть нерадивых придурковатых режиссеров, снимавших кинематографические «шедевры» про войну, в которых медсестрички бегают по полю боя в узких юбчонках чуть ниже колен, в светленьких чулочках и в ладненько сидящих хромовых сапожках. Ах да, не забыть про расстегнутую до ложбинки меж девичьих грудей гимнастерку! Почему-то именно эти неизвестные «творцы» вызвали в данный момент поток ее праведного возмущения, и очень хотелось навалить хотя бы одному из них! Желательно по морде! А за «талант»!

Вера хоть и согласилась на навязанное в последний момент патриотическое мероприятие, но просто так, на дурнину, не разобравшись в материале, ни за что бы не поехала!

Будучи человеком обстоятельным и дотошным, она к любому делу, за которое бралась, подходила серьезно и вдумчиво, стараясь собрать о нем как можно больше информации. Поэтому и просидела весь вечер и полночи в Интернете, так, что еле глаза разлепила к пяти-то утра, но довольно много смогла почерпнуть и о самом мероприятии, о серьезной подготовке к нему, ну и о будущей роли санинструктора, конечно. Прочитала в мемуарах воспоминания ветеранов о тех девочках, и воспоминания самих «девочек», спасавших жизни бойцам.

Вы знаете, что большая часть из молоденьких санитарок, из тех, кто остался в живых, не могли иметь детей, надорвались, таская непосильно тяжелые тела раненых?.. Кстати, наша великая актриса Быстрицкая тоже одна из тех полевых медсестричек.

Так вот, какие юбчонки?! Бред!

Ползать по перепаханному взрывами полю, усеянному осколками от снарядов, гильзами, землей вперемешку с кровью и частями тел, в юбке и чулочках?!

Им выдавали такую же форму, как и мужчинам – гимнастерка, галифе и нижнее белье – рубашка и кальсоны. И сапоги на несколько размеров больше, не было маленьких размеров, особенно в начале войны. Женская форма с юбками появилась ближе к середине войны, и обмундировывались ими в основном штабные и госпитальные женщины, тем же, кто непосредственно участвовал в боевых действиях, такая форма выдавалась только в качестве парадной. А так – подгоняй под себя, как сможешь, и носи. Они лифчики из кальсон сами шили, не предусмотрены были эти атрибуты женского туалета.

Это в теплое время года, а осенью-весной – ватники и ватные форменные штаны! Вот и вся эстетика! Для ползания на брюхе самое то, это Вера сразу поняла! Им-то как раз ватный вариант формы и выдали – исподнее с завязками, гимнастерка и галифе горчичного цвета, а сверху такого же цвета ватник, и все это застегивается широким армейским ремнем, ну и пилотка на голову, а как без нее. Весна нынче выдалась холодная, затяжная. В первые дни мая, хоть и припекает иногда солнышко, земля влажная, холодящая, и ветерок поддувает совсем не весенний, словно кусает, так что экипировка самая подходящая.

Сумка оказалась очень тяжелой – перевязочного материала с большим избытком, обеззараживающие в виде перекиси и йода, самый простейший шивной инструмент тоже имелся, но скорее в виде обязательного атрибута, и кое-какие препараты первой помощи на всякий случай. Из серьезных обезболивающих тогда пользовались старыми стеклянными шприцами, наполненными морфием, с уже надетой иглой, помещенными в специальные небольшие длинненькие железные стерильные контейнеры, санинструкторы носили их во внутреннем кармане ватника. Вере с другими девочками, также исполнявшими роль медсестричек, организаторы показали эти контейнеры, когда проводили инструктаж, правда, в виде экспоната, давать ценную вещь в руки не стали, да и надобности не было. Их применяли только в случае совсем тяжелых ранений, каковые в их постановке не предполагались. Тьфу-тьфу-тьфу три раза!

Зато им раздали свистки! Вера с удивлением узнала, что санинструкторы подавали звуковой сигнал «Медсестра на поле», чтобы раненые ее к себе подзывали. Оказалось, это гораздо эффективнее, чем кричать – во-первых, звук свистка лучше и дальше слышен, а во-вторых, раненые часто голос сестрички принимали за галлюцинацию или голос любимой. Вот так!

Изображавшим погибших и раненых солдат мужикам было скучно валяться посреди поля боевого, и они тихо переговаривались между собой, травили анекдоты, кто-то, пряча в кулаке сигарету, курил, хоть организаторы запрещали это. Понятное дело, что появление санинструктора в лице Веры принесло страждущим разнообразие во времяпровождении и стало прекрасным развлечением.

– Сестричка, – наигранно стонал первый, к которому она подползла. – У меня ранение ниже живота! Ой, болит, болит! Сестричка, посмотри, что там, помоги!

– Сейчас, милый, потерпи, – нежно «успокаивала» она, и даже по голове сердобольно погладила бойца, «подбитого врагами», и пообещала: – Сейчас жгутик наложу, и все пройдет. Навсегда пройдет и больше тревожить не будет.

– Га-га-га! – заржали мужики вокруг.

– Что у вас? – спросила она шутника.

Устроители четко распределили все роли в общем сценарии, и каждому «поверженному» в атаке выдали листок, в котором было написано, когда и где падать, кто убит, а если ранен, то куда и насколько тяжело. В зависимости от этого Вера и остальные сестрички должны были оказывать «помощь».

– Убит я, сестричка, – вздохнул мужик, вернее парень лет тридцати, веселый такой, подмигнул и добавил еще более горестно: – А жаль! Такая красotka меня бы сейчас перевязывала.

– Я ранен! Сильно ранен! – радостно прокричал кто-то справа. – Меня перевяжи, сестричка!

– Жгутик не надо? – не удержалась Вера от подначки «убитого».

– Спасибо, сестричка, обойдусь, – рассмеялся парень.

А Вера, скрючившись, пригнувшись, как учили, побежала к радостно объявившему себя раненым солдату. Под бодрые комментарии, шутки и похохатывание «близлежащих» бойцов она перевязала трех не смертельно «раненных», поразившись, что остальные десять «убиты». Это что, в каждом бою были такие потери? На трех живых десять мертвых? Ужас какой-то беспросветный!

Надо сказать, что медсестры в войну не таскали с поля всех подряд, имелись четкие предписания и инструкции по этому поводу – если просто объяснять, примитивно, то: когда боец ранен не тяжело, но не может двигаться, такого перевязывали и оставляли ждать санитаров, если смертельно, тоже перевязывали и оставляли на месте, а если тяжело, но был шанс на выживание, вот таких девочки и выносили.

Мужики балагурили, а что им еще делать, а она бегала между ними, ползала, что тоже требовалось все по тому же сценарию, переворачивала их совсем не худенькие тела и перевязывала, отшучиваясь между делом, а порой и жестко обрывая, когда шутки становились скользкими.

Остановилась, осмотрелась, куда дальше двигаться, сверилась с выданной ей индивидуальной картой. Перед Верой оказалась небольшая возвышенность, не холм, не насыпь, ну что-то вроде бугра какого метра в два высотой, но довольно широкого. Надо было его обойти, вернее, обежать в согнутом положении метров десять, не меньше. За ним виделись «тела», но довольно далеко, а здесь, с этой стороны холма, она уже всех осмотрела.

Вера махнула провожавшим ее репликами и шутками мужикам, и быстро, уже практически сноровисто, подучилась, видать, побежала за холм.

Она уже порядком устала, и ее немного мутило от сильного запаха земли и пороха пиротехники. В этом месте, где находился отведенный ей по распределению ролей участок, почему-то много взрывали, перепахав большую часть дикого поля.

У Веры имелась устойчивая малопрятная ассоциация – ей казалось, что свежая земля, вырванная отвалом из поля, чуть влажная, еще теплая, парящая, пахнет кровью. Это ощущение закрепилось в мозгу в раннем детстве. Мама рассказывала, что, когда они гостили в деревне у родственников Вериного отца где-то в Краснодарском крае, однажды пошли смотреть, как пахут поле, а отец через пашню отправился поздороваться с трактористом, которого знал, наступил на что-то острое в земле и сильно порезал ногу. Мама говорила, когда они подбежали к нему, маленькая Верочка застыла, словно остолбенела, и так стояла и смотрела, как на черный, жирный чернозем текла алая кровь, и что девочка так испугалась, что потом целые сутки ни с кем не разговаривала.

Вера ничего этого не помнит. Только каждый раз поражается – удивительно работает человеческий мозг – с кровью она сталкивается каждый день и никаких отрицательных или пугающих эмоций ни ее вид, ни запах у Веры не вызывают, а вот свежевспаханная земля – наоборот.

Мы все состоим из таких вот ассоциаций, закрепившихся в нашем мозгу сильными эмоциями и переживаниями, как правило, в детстве, и формирующих нас. Это из области той индивидуальной, потаенной скрытой ткани личности, по большей части не осознаваемой самим человеком.

«Господи, о чем я думаю?» – поймала себя на этих отвлеченных размышлениях Вера, заворачивая за уступ холма. День сегодня уж очень странный, вот и перепутались слишком реальные картинки прошлого, прямо гипнотически затягивавшего в себя, вот и пугает земля эта, перепаханная взрывами!

Мужика, одиноко лежавшего под склоном холма-бугра, она заметила не сразу – обзор перекрывали небольшие кустики в ярко-зеленых малюсеньких листиках, и его новенькая темная форма служила прекрасным фоном для этих изумрудных росточков.

Почему-то он оказался тут в одиночестве – с того склона холма, откуда она прибежала, «бойцы» остались метрах в пятидесяти, а то и больше, и их и не видно было за холмом. С этой стороны, откуда открывалась панорама всего поля, уходящего вниз под небольшим уклоном, «поверженные» солдаты находились далеко впереди. Странно. Скорее всего, солдат от «пуль» как раз этот холм прикрывал, и атакующие двигались под его прикрытием, а этот «командир», судя по его форме, наверное, прямоком через бугор направился. Черт знает, она не стратег, чтобы разбираться, кто как и зачем тут бегал, значит, так задумано было.

Она его услышала! Услышала кашель и сип странный!

И в один момент Веру резко переключило – от всех мыслей про ужасы той войны, про искреннее сочувствие тем далеким медсестричкам, про идиотов режиссеров, снимавших дешевые фильмешки, про свой удививший ее необычайно страх попадания в прошлое, про запах земли и отвлеченные рассуждения по психологии и про то, что ноги-руки от беганий и ползаний уже изрядно побаливают – все! Резко выключило!

Все! В секунду, как щелкнул кто-то выключателем, – на полную собранность, четкость мыслей и профессионализм. В ту секунду, когда она услышала, как кашляет и сипит этот мужчина!

Он лежал на боку, с закрытыми глазами, подкашливал и все пытался вдохнуть поглубже, что только вызывало новый приступ кашля и сипения.

– Не надо! – строго сказала Вера и опустилась перед ним на колени, перебросив сумку со спины к себе на бедра. – Осторожно, не пытайтесь вдыхать полной грудью. Давайте-ка мы вас перевернем и посмотрим, что у вас тут случилось, – перешла она на нежненький уговаривающий тон.

Молодой мужчина, ну близко к тридцати где-то, сейчас трудно было определить его возраст по лицу, исказившемуся от боли и какого-то мальчишеского недоумения, открыл глаза и посмотрел на Веру вполне осмысленно, попробовал улыбнуться и что-то сказать, но зашелся мелким таким хеканьем и попытался сплюнуть.

– Сейчас! – Вера выхватила из сумки кусок ваты, поднесла к его рту.

Кровь! Вашу маму!!

Услышав его, еще не видя, она подумала, что, может быть, ушиб грудной клетки сильный, или сердечный приступ – такое бывает. Инфаркты, предынфаркты часто дают симптоматику и клиническую картину совсем иного заболевания – отравления, например, или кашель, да много чего! Но увидев кровь на куске ваты...

– Сейчас мы осторожненько перевернемся на спину, – тоном уговаривающей ребенка мамы принялась пояснять она, – и не пытайтесь разговаривать, вот посмотрим, что с вами случилось...

Он был одет в офицерскую гимнастерку, перевязанную ремнем и портупеей, Вера сновисто перевернула мужчину на спину... и замерла на мгновение, отказываясь верить тому, что увидела!

На левой стороне груди на гимнастерке выпячивалась своей невозможной реальностью небольшая дырочка, вокруг которой натекло немного крови, казавшейся на темно-зеленом полотне почти черной.

– Тихо! – на автомате остановила она парня, предпринявшего попытку что-то сказать, и повторила: – Тихо, не надо разговаривать. Дышите медленно, коротко, по чуть-чуть.

Доигрались в войнушки! Вера быстро достала из сумки большие ножницы, расстегнула его ремень, разрешила гимнастерку, распахнула ее и несколько секунд все-таки рассматривала небольшую дырочку у него на груди – пулевое ранение.

Пулевое, вашу мать, ранение! Левого, черт побери, легкого, на три пальца ниже сердца! Доигрались! Дореконструировались!

Она осторожно перевернула раненого на бок.

– Потерпи, милый, надо посмотреть, – перейдя на профессиональный, почти гипнотизирующий спокойствием и обещанием, что все будет хорошо, тон, попросила она.

Выходного отверстия на спине нет. Так! Кровохарканье – значит, легкое точно повреждено. И дышит он часто и поверхностно. Парень снова начинает кашлять, и она отчетливо видела, как в дырочку подсасывает воздух, с мерзким таким присвистом.

Б... берлинский театр! У мужика открытый пневмоторакс! Трындец!

А ему стремительно становилось хуже – кровавая пена пузырилась в уголках губ, и он снова принялся подкашливать.

– Держись! – попросила она его, торопливо соображая, что делать.

Что делать?! Парню операция нужна была еще полчаса назад! Ну, операцию она ему обеспечит, главное вытащить его отсюда и желательнее живым, а для этого...

Она быстро принялась шарить в недрах санитарной сумки. Вот как раз для такого случая ни черта в этой сумке и не было предусмотрено, но Вера кое-что на ходу сообразила!

Первым делом требуется остановить приток воздуха в легкое, потому что он поступает в грудную клетку не оттуда, откуда ему положено, легкое сдавливается и теряет объем. Из-за этого сдвигается в сторону средостение, и сердце повисает на сосудах, зажимая и ущемляя еще работающее здоровое легкое.

Короче, если срочно не остановить приток воздуха, то кранты! Кранты, предположим, этому парню и так реально маячат уже в любой момент, потому как он слишком долго находится без помощи, хорошо хоть лежал на поврежденном боку! Как он вообще сообразил на него повернуться, ведь это же больно, на минуточку! Но если б лег на другой бок...

Все это она думала быстро, без лирических отступлений, вспоминая все про ранения легких, что знала, пока доставала из сумки йод, скляночку со спиртом, бинты и самое главное – небольшой полиэтиленовый пакетик с орешками! Вера сунула его на всякий случай, решив, что может и проголодаться, пока эта живая инсталляция закончится, а орешки всякие Верочка очень любила.

Она делала все споро, без лишней суеты и без единого лишнего движения. Вера давно уже привыкла мгновенно включаться в рабочие ситуации разного уровня сложности, и главное, всегда экстренные, это была ее обыденная каждодневная работа, ну и ее высокий уровень профессионализма и еще кое-что, как говорит Виктор Аркадьевич, – от Бога.

Она высыпала орехи в сумку, разорвала пакетик с одного бока, протерла его спиртом, положила на живот раненому, обмазала не жалеючи, щедро йодом кожу вокруг дырочки,

вскрыла стерильный пакет с бинтом, отрезала кусок, накрыла рану, поверх бинта плотно прикрыла пакетиком, который почти герметично лег, прилипая к мокрой от йода коже, прижала подушкой из ваты и принялась делать плотную круговую повязку, попутно успокаивая парня, обещая практически немедленное выздоровление, ну, и разумеется, полный порядок в ближайшем будущем.

Парень снова закашлял, но теперь уже без свиста. Отлично!

А вот теперь пункт следующий – транспортировка!

Его срочно надо в операционную, но для этого не мешало бы выбраться из этих полей-боев-реконструкций. А так, для встряски психологической, она не очень хорошо представляла себе, где находится, и как далеко до окопов.

Вера встала во весь рост, не до игр уже и сценариев, и осмотрелась. Оказалось, ряд окопов находится гораздо ближе, чем ей представлялось. Пока она круги впрыскалку наматывала и ползком между лежавшими бойцами передвигалась, то сместилась правее, а потом вроде как назад двигалась, обегая этот холм.

Ей нужна помощь, ясно поняла Вера, впрочем, так же ясно, как и то, что докричаться до лежавших мужиков без вариантов. Хотя взрывы и стрельба атакующих сместились далеко вперед, самолеты все летали и бросали дрань свистящую какую-то, и вполне реальный грохот боя заглушал все вокруг. Бегать, звать на помощь и объяснять ситуацию – нет времени! У этого парня вообще нет времени! То есть совсем!

Нет, вы представляете, а ведь ей придется его тащить! Опупеть!

Верочка Брацкая имела одну уникальную способность – в любой, даже самой экстренной и непредсказуемой рабочей ситуации она словно мобилизовалась внутренне. Она и сама не понимала, как это происходит, но точно не по ее волевым приказам и усилиям, в ней словно что-то включалось, и она становилась предельно собранной, соображала очень быстро и четко, а в мозгу сразу же начинали всплывать нужные данные. Никакой паники, никакой суетливости – быстрый четкий анализ ситуации и план действия. Виктор Аркадьевич называл это даром божьим, талантом и уверял, что это очень редкое явление. Поэтому и ценил Верочку больше других, и помогал, как мог. Впрочем, не об этом сейчас.

А сейчас, быстро соображая, что делать, она достала рацию, провертела в ней настройку, как показывали при инструктаже, переходя на волну начальника госпиталя, роль которого, разумеется, исполнял Виктор Аркадьевич.

– Госпиталь, ответьте! – как учили, вызывала она.

Тишина и шипение вместо ответа.

– Госпиталь, ответьте «сестре семь»! – потребовала она, обозначив в этот раз позывной, присвоенный ей.

Тишина. Парень кашляет.

– Госпиталь! – возмутилась Вера Степановна. – Вы что там, эвакуировались?!

– Здесь госпиталь, чего кричим? – бодренько так, с огоньком отозвался веселым голосом Васильев.

– У меня здесь пулевое ранение, Виктор Аркадьевич, – оборвала его веселье нерадостным тоном Вера. – В легкое. Кровохарканье, пневмоторакс.

– Ты где? – совсем другим – четким, строгим голосом спросил Васильев.

– А черт его знает! – честно призналась Вера. – Холм какой-то небольшой, но окопы близко, правда, насколько мне видно, далеко вправо от моей первичной позиции.

– Посмотри на карте, какой квадрат? – подсказал Васильев.

– А нет на моей карте этого квадрата, – «порадовала» Вера. – Я из своего как-то незаметно сместилась, а в этом квадрате у нас медицинское обслуживание не предусмотрено!

– В каком состоянии больной? – уже работал Васильев.

– В критическом, но пока в сознании, – уведомила она.

– Вера, – почти отечески обратился он, – до окопов сможешь его дотащить?

– Попробую, – вздохнула тяжело Вера.

– Высылаю санитарную группу с носилками, – принялся объяснять Васильев, – но, понимаешь, по окопам они быстро пробегут, а вот искать вас в поле, еще не известно в каком направлении... – и, помолчав, добавил: – Хоть немного, пока им тебя из окопа видно станет.

– Я попробую, Виктор Аркадьевич, – она посмотрела на парня, лежавшего с закрытыми глазами. Он дышал поверхностно и часто, как пес в жару. – Но выдержит ли такое перемещение пациент? – тихо высказала она свои сомнения.

И выключила рацию. Что тут говорить. У парня этого с шансами плоховато.

Что тут предпринять самое правильное? Ну, она может влезть на холм, махать руками и подавать всяческие знаки. Сколько эти танцы народов мира займут времени, пока на нее обратят внимание? А обратят и что дальше? Она может сбегать к тем лежащим на земле «солдатам» и вернуться с ними. Сколько это займет времени? Группа за холмом довольно далеко, те, что впереди, по ходу атаки, тоже. И главное, никто не услышит, хоть кричи, хоть свисти.

Времени у них с парнем нет. То есть вообще. Да и оставлять его одного нельзя!

Санитары с носилками увидят ее, когда она вытащит его из-за холма и окажется на открытом пространстве. Значит, тащить! О господи! Нет, ну надо же!

Вера опустилась на колени перед молодым человеком и начала ему объяснять ситуацию, при этом быстро запахивая на нем разрезанные полы гимнастерки и закрепляя сверху потуже ремнем.

– Как вас зовут? – спросила она сосредоточенным тоном.

– И-ива-а-ан, – закашлялся парень.

– Ванечка, – наклонилась к его лицу поближе Вера. – Нам придется с тобой немного проползти, пройти, если сможем. Я понимаю, это больно, но ты потерпи, ладно?

– Ла-а-а... – попытался ответить он, не получилось, закашлялся вновь и только кивнул.

– Ты не разговаривай, Ванечка, – увещевала его Вера, быстро собрав и уложив использованные медикаменты в сумку, закинула ее резким движением за спину. Она переползла на коленках ему за спину и приподняла: – Мы сейчас попробуем встать, ты обопрись на меня, не бойся, опирайся всем весом и, Ваня, тебе придется почти лечь на меня раненым боком. Это больно, но иначе нельзя.

Объясняя, она переместилась к его левому боку, забросила его руку себе на шею, обняла крепко одной рукой, уцепившись пальцами за ремень, второй ухватив за кисть руки, свисавшую с ее плеча.

– Ну что, готов? – спросила девушка и внимательно посмотрела на его совсем уж побелевшее лицо.

Он кивнул – готов, мол. И прикрыл глаза.

– На счет три, – командовала Вера и предупредила: – Не пытайся встать полностью, ты должен перенести свой вес на меня. Понял? – он снова кивнул, Вера глубоко вдохнула-выдохнула: – Ну, с богом! Раз, два, три!

И она рвану-у-у-ла их двоих вверх. Преодолевая земное притяжение, саму себя и почти обреченную расслабленность раненого.

Иван зашелся кашлем, в уголках губ снова показалась кровавая пена, ноги у него подкашивались, но Вера понимала, что на второй рывок у него просто не хватит сил, и не позволила им осесть назад на землю, а, прижав его к себе изо всех возможных сил, все-таки встала и его подняла.

– Ничего, ничего, Ванечка, – уговаривала она его и себя заодно. – Потерпи, нам тут совсем немного, несколько шагов.

Вера сделала первый, самый тяжелый и невозможный, шаг, второй, третий... Иван старался переставлять ноги, но они подгибались, и, судя по тому, что ей становилось все тяжелее его держать, он терял сознание.

– Давай, Ванечка! – крикнула ему в ухо Вера, стараясь привести в чувство.

У нее получилось, парень немного пришел в себя, и они даже смогли пройти метров десять. Еще чуть-чуть, ну метров пятнадцать-двадцать, и их увидят из окопа!

Но эти двадцать метров казались невозможным, непреодолимым расстоянием!

Им не пройти эти метры, поняла она. Иван окончательно потерял сознание, полностью повиснув на Вере, и упал бы, если бы она не держала его за ремень. От такой нагрузки и напряжения у Веры ходуном ходили ноги, а перед глазами поплыли темные круги, но она сделала еще несколько шагов, уже почти ничего не соображая...

И вдруг почувствовала, что ей стало легко. Легко и свободно! Она что, тоже потеряла сознание? – подумалось на секундочку Вере. Но столь заманчивой перспективе не суждено было стать явью, ибо прямо у нее над головой раздался разъяренный и жутко начальственный мужской голос:

– Вы что, барышня, охренели?! Вам что, показалось маловато исторической достоверности, и вы решили надорваться, изображая санинструктора по полной программе?!

Освобожденная от непомерного груза, Вера, не обращая внимания на непонятно откуда взявшегося мужика, согнулась, уперлась руками в коленки и переводила дух, пока незнакомец орал в свое удовольствие, и темные круги перед глазами постепенно поблекли, а потом и вовсе исчезли. Она смогла распрямиться и рассмотреть возмущенного гражданина. Он перехватил у нее Ивана, и хорошо хоть держал, обхватив сильной рукой за талию, а не бросил, не разобравшись, что к чему, продолжая отчитывать и буравить ее весьма недовольным грозным взглядом. Одет он был в офицерскую форму, но в каком звании, Вера не разобрала, она так и не запомнила показанные им на подготовительной лекции все эти ромбики на воротниках, «шпалы», которые носил офицерский состав того времени, пока не ввели погоны. А на фиг запоминать-то? Чай, в историки не собралась.

Мужик был высокий, на голову выше нее, хотя Веру маленькой не назовешь, все-таки метр семьдесят два, жилистый такой, сразу видно, что не накаченный, а именно жилистый. Сильный, вон Ивана держал легко, не напрягаясь, лицо его рассмотреть толком она не успела, да и не до этого, уловила только взглядом, что интересный мужик, некогда было ей разглядывать – она увидела, что Ивану совсем плохо стало.

– Что вы орете?! – резко оборвала она. – Ему совсем плохо! У него пулевое ранение!

– Барышня, – сбавив тон на ощутимо снисходительный к людям, явно не дружащим с разумом, обратился товарищ командир. – Вы что, решили воплотить героическую кинематографичность в реальность? Какое ранение? Здесь стреляют только холостыми.

– Посмотрите на него! – резко приказала Вера.

Мужик быстро глянул на Ваню и – по-ра-зи-тель-но! – буквально в секунду оценил обстановку! Он не стал удивляться и причитать, задавать идиотские вопросы, требовать немедленных ответов, как по всем незыблемым правилам человеческой психологии поступил бы любой человек на его месте, а перехватил Ивана поудобней, прижал к себе, повернулся к Вере и совсем другим тоном, командирским, спокойным, спросил:

– Куда нести? Помощь вызвали?

– Нести к окопам, – хоть и оторопела от такой мгновенной метаморфозы Вера, но не переключала внимания с основной задачи, да и мало что могло ее вывести из равновесия и отвлечь, когда пациентам требовалась помощь. – И как можно быстрее! Помощь вызвала!

– Тогда побежали! – отдал распоряжение мужик, подбил ладонью кокарду, сдвинув форменную фуражку поглубже на затылок. Затем, подхватив Ивана под ноги, взяв на руки, причем эдак ловко перехватил, ухватисто.

И, вы знаете... действительно побежал! А Вера за ним, совершенно ошарашенная происходящим и поведением этого странного мужика, возникшего ниоткуда, как черт из табакерки! Но как вовремя появившегося-то, а! Прямо посланник небес.

А еще она не могла понять, как он это делает – бежит? Иван – парнишка довольно стройный, но все равно весит прилично, а этот мужик, как она уже заметила, далеко не Шварценеггер, поигрывающий мускулатурой, а бежит так, словно не несет никакого груза, а тренировочный забег делает.

Навстречу им уже вылезали из окопа санитары, но Вера махнула рукой – не надо, мол, ждите там, на ходу сообразив, что сейчас Ваню укладывать на носилки, потом снимать, перетаскивать в окоп, снова укладывать – все это совсем хреново для него – бежит добровольный помощник споро, несет пациента, вот пусть и несет!

Она прыгнула в окоп, когда два здоровенных мужика в солдатской форме уже укладывали Ивана на носилки.

– Не так! – остановила их Вера, скатываясь с насыпи в окоп, даже не замечая, что ее поддержала, подстраховав, сильная рука товарища офицера. – На левый бок, на раненый!

Раненого принялись переворачивать, но остороженько, а он пришел в себя, зашелся мелким кхением и пожаловался:

– Бо-кх-кх-ольно...

– Потерпи, Ванечка, – склонилась она над ним, – так надо. Сейчас мы быстренько тебя в госпиталь донесем, а там укол сделают, тебе полегче станет.

Он кивнул и снова прикрыл глаза, а она, посмотрев на санитаров, проникновенно так, с просьбой, но строго распорядилась:

– Бегом, мужики, ему совсем плохо. Надо успеть.

Мужики подхватили носилки и помчались так быстро, насколько это возможно было, по узким окопам, а за ними Вера в компании неизвестного добровольного помощника, товарища офицера Красной армии.

– Почему на раненый бок? – спросил неожиданно он на бегу.

– У него пневмоторакс, – ответила Вера, чуть запыхавшись.

– Э-э, девушка, вы меня названиями не пугайте! – усмехнулся он. – Вы как-нибудь попроще объясните.

– Проще: у него пулей пробито легкое. Воздух поступал через дырку, от этого легкое как бы сдулось, сжалось, и если положить раненого на здоровое легкое, единственное, которое сейчас дышит, то на него начнет давить и средостение, и кровь будет подтекать и тоже давить, и сердце, которое сейчас как бы висит на своих сосудах. А снизу еще поддавливают ребра. При такой нагрузке легкое откажет, и человек задохнется.

– Понял, – кивнул мужик и вдруг искренне поблагодарил: – Спасибо за науку.

– Вера, прием! – затрещала рация.

– Бежим уже! – ответила, сразу перейдя к делу, Вера. – Минут через десять будем.

– Понял! – отозвался Васильев и спросил: – Как раненый?

– Плохо, – оценила Вера, – без сознания, дыхание поверхностное, кровь пенится.

– Операционная готова, ждем!

Госпиталь, само собой, тоже представлял из себя исторически выверенный участок, а именно: огромную брезентовую палатку с нарисованными по бокам большими красными крестами, разделенную перегородками, отделявшими операционную от палат, процедурной и предоперационной.

Когда процессия с носилками подбегала к госпиталю, неожиданно обнаружилось, что их встречает куча народу, видимо новость о настоящем ранении распространилась со скоростью пожара, большая часть собравшихся людей была незнакома Вере, а вот Васильева среди них не оказалось. Ну, понятно, он размывается перед операцией.

Ее о чем-то спрашивали любопытствующие, хватали за рукав ватника, она ничего не отвечала, скидывала удерживающие руки и пробиралась сквозь толпу следом за санитарями с носилками, и остановилась только у откинутого полога входа. Тут оглянулась, вспомнив о помощнике, и обнаружила, что он так и шел прямо за ней, не отставая.

– Послушайте... – начала было она, сама до конца не понимая, что говорить.

Надо же поблагодарить, или еще что-то правильное сказать... Но тут Вера встретила с ним взглядом и замолчала, на какое-то мгновение полностью утонув в этом взгляде из-под кокарды форменной фуражки, надвинутой снова по всем уставным правилам, серых, почти стальных глаз, немного смягченных темно-синими крапинками – так близко он стоял, что она смогла рассмотреть эти самые крапинки.

– Вера, мыться!! – раздался громкий приказ Васильева откуда-то из недр госпитальной палатки.

– Вы идите, – приятным, успокаивающим голосом сказал незнакомец, – я вас подожду.

– Подождете? – удивилась она.

– Обязательно, – кивнул он и улыбнулся задорно. – Надо же знать, что не зря таскал парнишку на руках, как родную возлюбленную.

– По-любому не зря, – ответила Вера.

И шагнула через порог, все еще неся в себе взгляд его удивительных глаз и сообразив, что так и не запомнила и не рассмотрела толком его лица. Надо же, глаза впечатались в память, а лицо в деталях нет.

Но эти и другие мысли быстро улетучились рассеянным дымком, когда одна из госпитальных сестер протянула ей хирургическую робу для переодевания. Только теперь Вера, посмотрев на себя, увидела, как сильно она изгваздалась в земле-траве, напозавшись на брюхе и на четвереньках. Хорошо хоть руки берегла, на ладони не опиралась, старалась их в кулачки сжимать, как учили при инструктаже, и больше на локтях передвигаться.

– Вера, мойся скорей! – поторапливал Виктор Аркадьевич из-за брезентовых перегородок и принялся объяснять: – Будешь ассистировать, врачи укатили в штаб, смотреть на баталью в подзорные трубы. Остались только я, три сестрички и анестезиолог. Не отпустил я его, как чувствовал, что нужен будет. Но никто же и предположить не мог такое! Так что мы с тобой вдвоем! Давай, Верунчик, бегом! Совсем твоему парню плохо!

Ну, при всей исторической достоверности, госпиталь был оборудован современной аппаратурой, инструментарием и препаратами. При проведении столь масштабного мероприятия могли случиться любые нештатные ситуации, травмы и заболевания, так что операционная была вполне современной, оснащенной оборудованием эмчезсников. Пулевого ранения, даже при самой буйной фантазии устроителей, никто не мог ожидать, оружейный вопрос находился под особым контролем множества ответственных товарищей и инстанций. Ан, гляди ж ты, подстрелил кто-то Ванечку! И так неудачно! Хотя... разве может быть какое бы то ни было ранение удачным?

Ассистировать – это здорово! Улыбнулась Вера, входя в операционную.

* * *

Девушку Егор увидел сразу, как только она поднялась во весь рост. Точнее сказать, в тот момент он не разобрал, что это девушка, – далековато, да и одета она была в солдатское обмундирование, он просто отметил некое движение, выпадавшее из общей картины. Ну, это уже на уровне закрепленных навсегда рефлексов. А вот уже приложив бинокль к глазам, понял, что это девушка, видимо играет роль санинструктора, и увидел, как она обеспокоенно вертится вокруг своей оси, словно известный зверек сурикат из пустынной Южной Африки, охраняющий территорию.

«Заблудилась, что ли?» – усмехнулся про себя он.

Девушка резко присела, но Егору удалось рассмотреть со своего места, что она там копошится, что-то делает, и как-то непонятно и напряженно. Или это просто ему виделось, что напряженно. Ну, с его-то инстинктами и навыками не распознать и не почувствовать нечто выделяющееся из общего контекста, вообще без вариантов! Он продолжил наблюдение гораздо более заинтересованно, чем пару минут назад, все равно заняться больше пока было нечем – Егор изображал убиенного комбата. А бинокль прихватил, когда получал амуницию, держа в голове именно это долгое бездейственное лежание на земле. Кстати, ватник форменный тоже прихватил не без дальнего расчета, земля-то пока холодная, местами и вовсе не оттаявшая до конца. Он вообще парень такой предусмотрительный, можно сказать расчетливый, а на самом деле, опять-таки, это навык, ставший привычкой, доведенной до рефлексов – продумывать все до мелочей. Вот и устроился, считай, что с комфортом, не в пример другим – и телогреечку подстелил, и в бинокль наблюдал за ходом атаки и боевыми действиями, окрестности осматривал, а еще яблочко пожевывал. Вот и заметил девушку нервную. Понятное дело – заинтересовался.

Вообще, как он здесь оказался – это занятная история.

Приехал Егор в Москву на переговоры, давно запланированные и обеими сторонами ожидаемые, не без удовольствия. Ну, во-первых, потому, что договариваться он собирался с давнишним своим хорошим знакомым Костей Агаповым, можно сказать другом детства. Не самым близким, но все же скорее из разряда друзей, чем просто знакомых. Сотрудничали они уже не первый раз, потому переговоры можно было смело отнести к формальности, больше проводимой ради приятной встречи и поддержания тех самых дружеских, но вместе с тем и деловых отношений, чем к трудным бизнес-мероприятиям. А подписав бумаги, в ресторацию наладились – пообедать, отметить да поболтать неформально.

Егор пожаловался, что придется ему тут, в Москве, до следующего понедельника сидеть, а сегодня только среда, а у него в хозяйстве беспокойном дел невпроворот. Да вот надо, раз уж выбрался, заодно разбираться с поставщиками ушлыми и инвесторами неповоротливыми, дожидаться документов, которыми его юристы занимаются – обычное сетование занятого человека, занимающегося реальным делом.

– Слушай, Егор! – вдруг оживился необычайно Костя. – Я завтра еду на одно интересное мероприятие, давай со мной!

– Ну, просвети, – усмехнулся Егор.

И Костя рассказал ему про реконструкцию одного из сражений Великой Отечественной, и так увлекся что даже, достав планшет, показал сайт, где освещалась вся подготовительная работа и план проведения мероприятия.

– Ты ж понимаешь, – усмехнулся Костиной мальчишеской увлеченности Егор и пошутил: – Мне бы генерала изображать, я ж масштабно мыслить привык.

– Генералы все разобраны! – смешно, но Егору показалось, что даже расстроился Костя, а он вдруг завелся новой идейкой: – Но, знаешь, есть один вариант! Алексей, ну ты помнишь, я вас как-то знакомил, Трофимов, должен был играть роль одного героического комбата, абсолютно подлинный персонаж. Он в том сражении трижды поднимал свои батальоны в атаку, сначала с командного пункта, а потом и сам впереди солдат побежал, но был убит множественными выстрелами немцев. Так вот Лешка у нас заболел. Давай свяжусь с распорядителями, и назначим тебя на его место комбатом, а?

– А давай! – принял влет решение Егор.

Он всегда принимал решения быстро. Это трудно понять обычному человеку, но Егор умел быстрее прочих оценивать данные, ситуацию, свои знания в том или ином вопросе, степень своего любопытства и интереса к предмету и принимать решения – быстро и остро. И никогда не сожалел о сделанном выборе, даже если он оказывался неверным.

Но что-то Егор не упомнит таковых, неверных-то. Решения могли быть трудными или сложными в исполнении, и нести множество отягощений и полный набор ответственности, но неверными... Разве что в детстве, в подростковом возрасте, но и там ему не за что было себя корить, а уж жалеть о чем-то и подавно.

Вот так, в один момент, он и решил принять участие в интересном деле.

Борин, его начальник службы безопасности, узнав, куда шеф собрался, от возмущения чуть из себя не выпрыгнул, заодно припомнив, что Егор и так в Москве без сопровождения катается, против всяких инструкций. Но Егор его остудил немного, понимая, что серьезного разговора по возвращении все равно не избежать и что Борин в чем-то все-таки прав. Ну а его преданный «нукер» Вася слушать начальство не стал, а просто сел в самолет и прилетел. И метался тут между организаторами, но, увы, роли все уже были заняты, пришлось ему пополнить ряды наблюдателей.

Егор усмехнулся, даже головой качнул, вспомнив, почему и как оказался на этом холодном майском поле, но тут в бинокль, который он так и продолжал держать, наблюдая за девицей, увидел такое, от чего у него чуть челюсть не отвисла – она начала подниматься, да не одна, а прижав к себе якобы раненого бойца!

– Похоже, девочка в войнушку заигралась! – обалдел Бармин, продолжая наблюдать за ней, а убедившись, что девчонка всерьез собирается так и тащить на себе парня, вдруг разозлился как-то начальственно. – Идиотка, надорвется же!

И вскочил в полный рост, а потом побежал, не пригибаясь, к этой «сладкой парочке». Вот сейчас добежит и так этой мармулетке навставляет! Придумала тоже, в роль вошла, не выведешь!

Подлетев к девице с молодымцом в обнимку, он ухватил сразу несколько моментов – первое, девушка покрылась испариной, побледнела, явно перенапряглась и, скорее всего, мало что сейчас поймет из того, что он скажет, даже если ее толково вразумлять. Второе, парень, буквально висевший у нее на плече, видимо все-таки плохо себя чувствовал, потому что практически не переставлял ноги и обмяк. Но его Егор не стал рассматривать, просто перехватил из рук девушки, прижал к себе, приняв весь его вес на свой правый бок, и принялся отчитывать барышню.

А она вдруг посмотрела на него удивительными глазами насыщенного синего цвета и совершенно вразумительно и довольно строго, разве только не отчитывая, ответила. Скорее от неожиданности Егор еще что-то договаривал саркастически-наставительное...

– Посмотрите на него! – потребовала строго девица.

Егор посмотрел, в момент оценил состояние пацана как критическое, заметил белую повязку под разрезанной гимнастеркой и резко переключил себя с болтовни и возмущения на необходимые действия, успев осознать, что девочка эта серьезная и точно знает, что делает, потому и спросил, как у человека, лучше владеющего ситуацией в данный момент:

– Куда нести? Помощь вызвали?

Как он и ожидал, девочка знала и куда нести, и что делать, и помощь она вызвала. Какая правильная девочка, с удовольствием думал Егор, подхватив раненого на руки и побежав к окопам.

Серьезная такая девочка, продолжал присматриваться к барышне Бармин, вон в окопчик прыгала, так ничего кроме больного и не замечала. Врачица, наверное. И симпатичная, перемазана, правда, землей, но все равно видно, что симпатичная, может и красивая даже. Одни эти глаза чего стоят! Он в своей жизни не припомнит, чтобы встречал такой цвет глаз – темно-синий, насыщенный. Хотя, может, они приобретают этот оттенок от перенапряжения или усталости. Но интересно.

Девушка убежала на операцию. Точно врачица, не иначе. Нет, ну какая все-таки хорошая девочка, а? Он и губки успел рассмотреть сочные, в меру пухлые, знаете, такие бывают, словно

четко очерченные по контуру – нижняя упрямая, чуть выступает – соблазнительные, ах! А вот фигурку, увы! На ней телогрейка форменная перепачканная спереди совершенно, перетянутая ремнем, да столь же извазюканные землей армейские выцветшие галифе, да кирзачи на ногах, что там про фигуру поймешь, только рост хороший и отметил.

Словом, понятно – завелся Бармин, заинтересовался «санинструктором». Добро так заинтересовался, серьезно, по-мужски, с интригой. И уж было присел возле входа в госпитальную палатку на импровизированную лавку – два чурбака, а сверху доска – ждать конца операции, и, разумеется, девушку Веру, как он услышал и запомнил имя девушки из ее переговоров с начальством по рации. И имя у нее хорошее. Прямо все в лад, осталось только поближе познакомиться.

Вот такие интриги Егору нравились, когда он прилагает усилия, думает, как понравиться, с какой стороны зайти, как поухаживать, как узнать побольше... ну, вы понимаете. Он охотится, а не за ним.

Но посидеть расслабленно ему не дали. А как вы думали – ЧП, пулевое ранение, и он, Егор, один из возможных свидетелей. К нему на лавку подсели сразу два следователя – один военный, другой полицейский – и повели «деловой» разговор, в ходе которого Бармин понял, что они собираются ждать Веру, чтобы она показала им место, где нашла раненого.

– Не надо вам ее ждать, – тягостно вздохнул Егор, понимая, на что сейчас подпишется, а ведь так хотелось посидеть в тишине, помечтать, представляя себе Верочку в белом халатике... – Вызывайте своих криминалистов, я вам покажу.

Пришлось Бармину признаться в некоторых своих знаниях и умениях. Оба следователя оживились необычайно, и тут же припахали его к исследовательской работе, за которой они и отправились к тому злополучному холму, где обнаружился раненый Иван.

Особо стараться и блистать умениями не пришлось – земля весенняя, влажная, нежная, все следы как на чистом листе отпечатались, и картина выходила такая: за каким-то чертом этот Иван поднялся на вершину бугра, где и был сражен непонятной пулей. Упал и скатился к подножию холма, где пострадавшего обнаружила Вера. Вычислили приблизительную траекторию, откуда прилетела пуля. Вот и все поисково-исследовательские действия на данный момент.

Остается ждать, когда закончится операция и врачи напишут официальный отчет, в котором укажут, под каким углом, куда вошла в тело пуля и где именно застряла. Дальше чистая математика и милицейские, то есть, пардон, теперь уже полицейские рутинные дела – рост потерпевшего, положение, в котором он стоял, помогут вычислить траекторию полета пули. Затем понадобятся данные из сценариев и протоколов мероприятия: кто именно находился в этом квадрате, пойдет проверка на совпадение оружия, из которого могли выстрелить, – до фига, конечно, им проверять придется, но не сотни стволов все же. И вычислят по номеру ствола человека, кому он был вручен на время реконструкции. Это в лучшем случае, ну а если пуля иного калибра... это уже пусть полицейские разбираются, что тут имело место: простое головотяпство, чей-то идиотизм или преднамеренное действие.

А он, Егор, чем мог помог отечественной мил... тьфу ты, полиции, а теперь бегом назад, к госпиталю, и Василия предупредить да и пообедать бы не помешало...

К госпиталю он вернулся не один, а в сопровождении все тех же двух следователей, и так же рядом они снова уселись на инсталляционную лавку, так как им сообщила медсестрица молодая, что операция прошла успешно, раненый жив, уже зашивают, сейчас врачи выйдут.

Ну, вот и слава богу!

И правда, вскорости – следователи докурить не успели – из госпитальной палатки вышел здоровый такой, крепкий мужик лет за пятьдесят, в медицинском костюме, видимо тот самый Виктор Аркадьевич, а за ним и Верочка, тоже в зеленой медицинской робе – рубашке с короткими рукавами и брючках. Следаки повскакивали, Егор остался сидеть, стараясь незаметно рассмотреть Верочку в новом образе врача. Хорошо смотрелась она и в этом образе, по край-

ней мере стало понятно, что она стройненькая и ладненькая, при груди такой достойной, а подробностей, увы, и за этим балахоном не разглядеть, к тому же девушка почти сразу устало села на лавку рядом с Егором. Доктор тоже устало опустил на освободившееся место.

– Как он? – первым спросил о главном следователь полиции.

– Тяжелый, но пока жить будет, а там как бог даст, – откидываясь на палаточный брезент спиной, ответил доктор. – Вот тютелька в тютельку вы его принесли, еще бы немного, и все, конец бы парню, не вытянули.

– Это Вера Степановна его спасла, – разулыбался довольно военный следователь.

– Откуда отчество знаете? – резко, подозрительно спросил доктор.

– Следователь я, из военной прокуратуры, мы это мероприятие курируем, как сообщили о ранении, мы сразу дела подняли... – без дальнейшей детализации пояснил мужчина.

– Понятно, – снова расслабился Виктор Аркадьевич и кивнул: – Это точно, Верочка его спасла, – и, чуть наклонившись вперед, посмотрел на Егора и добавил: – И вот этот товарищ, не знаю вашего имени.

– Егор Бармин, – представился Егор и протянул руку сначала Верочке, сидевшей рядом, заглянул ей в глаза и уточнил: – Исполнял роль комбата капитана Звягинцева, героически погибшего после того, как в третий раз поднял своих солдат в атаку.

– Вера Брацкая, – представилась она в свою очередь, вложила в протянутую руку свою узкую, но сильную и теплую ладонь и ответила на его взгляд: – Исполняла роль никому не известной медсестрички-санинструктора.

Не-а! Усталость и напряжение ни при чем! Ее глаза были такого же насыщенного удивительного темно-синего цвета, какими он их увидел первый раз и запомнил. Ну надо же!

Егор аж тормознул, удержав дольше положенного ее ручку в ладони и продолжая заглядывать в глаза, но она осторожно потянула ладонь к себе, и он тут же подал руку дальше – через нее доктору.

– Виктор Аркадьевич Васильев, – представился тот.

– Очень приятно, – искренне отвечивал Бармин.

Принялись представляться следователи, потом посыпались перезревшие в их терпении вопросы к Васильеву, тому пришлось встать с большой неохотой и пригласить их в палатку госпиталя, видимо, чтобы дать официальное заключение.

– Он хороший доктор? – спросил у Верочки Егор, теперь уж совершенно спокойно, неспешно и с удовольствием рассматривая ее.

Симпатичная и очень, и даже больше чем симпатичная – сдержанная такая, истинная красота русской глубинки, ничего и намеком нет от яркой экзотичности или восточности – белая кожа, не поверите: румянец! Свой, натуральный, здоровый румянец! Прямой тонкий носик с еле заметной, только намеком, горбинкой, губки... Ну, это он уже оценил по достоинству, бровки ровными дугами, правильной овальной формы личико, светло-русые волосы, собранные в строгий пучок на затылке. Здорово!

– Лучший, – тихо ответила она после небольшой паузы.

– Что? – был грубо вырван из своих фантазий Бармин.

– Вы спросили, хороший ли он доктор, – напомнила Верочка, поджав губки в сдерживаемой, понимающей улыбке, – а я ответила: лучший. Он ужасно талантливый, я подозреваю, что гений.

– Понятно, – вернулся в реальность Егор и спросил: – А вы тоже доктор, хирург?

– Нет, – ответила Верочка, и он мог поклясться, что где-то в глубине ее синих глаз полыхнула не то боль, не то обида, но она быстро спрятала это чувство, справилась с собой и пояснила: – Я операционная медсестра.

– Понятно, – повторил он как-то совсем глупо.

– Зато старшая, – добавила Верочка...

И улыбнулась! И вот тут Бармин поплыл! От улыбки ее лицо словно осветилось внутренним светом, задором, в глазах скакнула пара чертиков, а на левой щечке обозначилась ямочка, делая девушку потрясающе притягательной, с неким флером таинственности. Охренеть!

– Наверняка вы тоже талантливый медик, – утвердил, а не спросил Егор.

– Наверняка, – удивив его искренностью и отсутствием принятого в таких случаях жеманства скромности, согласилась она. Они так и смотрели друг другу в глаза, и Веру что-то неведомое подтолкнуло вдруг на откровенность. – Всегда мечтала стать врачом. С детства. Все девочки с куклами играли в семью, в маму-папу, детей, а я всегда только в больницу. У меня был такой игрушечный медицинский чемоданчик с инструментами, и я ставила всем уколы, градусники раздавала. А когда мне было лет семь, бабушка сшила для меня белый докторский халат и шапочку, ну, тут совсем родне туго пришлось, заделалась я доктором, и каждый вечер всю семью лечила, с важным видом прием проводила и рецепты выписывала.

– Я бы хотел на это посмотреть, – улыбнулся Бармин, сразу же представив себе маленькую Верочку в белом халатике с очень серьезным личиком, и спросил, хоть и понимал, что не надо бы: – А почему врачом не стали?

У нее изменилось лицо, словно потухло. Егор ругнул себя мысленно, собрался исправить ситуацию, сказать что-то легкое, шутливое, но...

– Вера! – выглянул из-за брезентового полога палатки Васильев. – Иди к нам.

– Ну, прощайте, Егор Бармин, – поднимаясь с лавки, Верочка протянула ему руку. – Спасибо вам за помощь. Если бы не вы, Иван мог умереть. Пока бы я его еще доволокла...

– Он бы не посмел, – встав следом за ней, Егор взял ее ладонь в свою руку и снова придержал дольше положенного. – Он не смог бы вас разочаровать. А вы бы справились и без меня, – и вдруг предложил: – Может, составите мне компанию за обедом? А потом мы могли бы пойти на видовую площадку и посмотреть на битву. Бой все еще продолжается.

– Не могу, – с легким сожалением отказалась Вера, – у меня работа здесь, и наверняка придется какие-то показания давать.

– Придется, – кивнул Егор, чувствуя странную горчинку разочарования. – Ну, тогда до встречи, Вера.

– До встречи, – чуть подумав, все же согласилась она, и вытащила свою ладошку из его руки.

И ушла. Ладно – подумалось Егору легко и с неким позабытым ухарством – еще не вечер и не ночь! А именно тогда по известному всем участникам плану мероприятия будут проводиться всякие отмечания, встречи с организаторами, посиделки у костров с гитарами и песнями военных лет, выступление артистов с концертными программами – много чего, и он сопроводит Верочку на одно из этих мероприятий.

Егор твердо намеревался продолжить столь неожиданное и интригующее знакомство. Понравилась ему девочка Вера, игравшая все детство в доктора.

* * *

«Надо сменить будильник!» – традиционно, как всегда утром, подумала Вера, шаря рукой по прикроватной тумбочке. Нашла. Хлопнула по большой пластмассовой кнопке.

Скотина! Это не будильник, это скотина натуральная! Об стенку бы его!

Несколько месяцев назад сломался старенький, но любимый будильничек, который вместо противного пиликаания и громохання играл мелодию Вивальди. Громко играл, так, что Вера просыпалась, хотя разбудить ее – это еще надо сильно постараться. Скорее всего, эта мелодия в исполнении часового механизма развила в ней устойчивый рефлекс к бодрствованию. Вера собралась отнести механизм в починку, но Милка возмутилась:

– Еще чего, всякое старье чинить! Ему сколько лет-то?

Лет-то ему было много, выглядел будильничек и вправду неказисто и зашарпанно, зато просыпалась Верочка под музыку и с хорошим настроением. Но Милка аппарат у нее экспроприировала втихую, пока Вера была на работе, купила взамен новый и преподнесла в виде подарка этого монстра, который орет по утрам натуральным коровьим мычанием! Да так орет, что создается устойчивое впечатление, что буренка либо рождает, либо ее режут живьем! Пошутила так подружка.

Ладно. Вставать все равно надо, хоть под Вивальди, хоть под буренку. Вера никогда не разлеживалась в кровати по рабочим, будильничным утрам, пытаясь добирать хоть немного неги и сна – слишком ранние подъемы никакая нега под одеялом не компенсирует, а заснуть снова – это за ней не задержится, тогда считай все пропало! Вот и вставала, как солдатик, – и бегом собираться!

Она стояла под душем и пыталась вспомнить свой странный сон. Знаете, бывают такие сны, запутанные, неясные, словно размытые, как сквозь туман пробираешься, и только ощущения яркие запоминаешь. Вот и у нее осталось яркое, сильное чувство какой-то радости, того, что все правильно. Что правильно? Пойди пойми. Но теплилось, теплилось в груди, вызывая невольную улыбку.

Какой-то мужчина был в том сне, непонятный силуэт, но ощущение, что хорошо знакомый, и какой-то звук, словно бубен большой где-то далеко бухает, и танцуют размытые странные фигуры...

«Ерунда какая-то!» – тряхнув головой, чтобы скинуть все еще не отпускающие ощущения от сна, Верочка решительно закрыла кран, вышла из душевой кабинки, принялась вытираться и вдруг вспомнила Егора.

Больше месяца прошло с той незабываемой исторической реконструкции. А Вера часто его вспоминала, не специально и навязчиво, а как-то сам собой вдруг всплывал его образ, глаза эти удивительные, голос, и непроизвольно она начинала улыбаться несколько грустно, словно думала о чем-то несбывшемся.

Они тогда с Васильевым сотворили чудо.

Правильнее сказать: сотворил Васильев, а она ассистировала, хотя если честно, то и ей пришлось отличиться во время операции, но не суть важно. Важно то, что у Ивана не было практически шансов. К тому моменту, когда он попал на операционный стол, все его шансы уже исчерпались. Васильев парня вытащил.

А когда они вышли вдвоем из госпиталя после операции на свет божий, под яркое и щедрое майское солнышко, под громкий гомон птиц, слышимый, несмотря на то что издали еще доносился шум продолжающейся баталии, Верочка испытала такое чувство правильности и чуда жизни, что даже зажмурилась от теплоты этого ощущения.

А когда открыла глаза, заметила, что на лавочке сидит их с Иваном добровольный помощник, имени которого она так и не узнала, в компании двоих незнакомых мужчин. Ну вот теперь Вера наконец смогла его рассмотреть.

Очень интересный мужчина. И загадочный. Чувствовалось в нем нечто сильное, а еще наполненность некими знаниями-умениями, тайнами, что ли. Ну, и лидерство – это, уж будьте любезны, в первую очередь, на раз.

Высокий, такой весь... как пуля крупнокалиберная, жилистый, словно перекрученные, как жгуты, мышцы натянули на костяк. Эти серые стальные глаза, тонкий, с небольшой горбинкой нос, волевой подбородок. Породистое такое лицо, которое в целом можно было бы назвать аскетичным и строгим, если бы его не смягчали чувственные ироничные губы, постоянно готовые к полуулыбке, и дугообразные негрубые брови. Он снял фуражку, и она лежала теперь рядом с ним на лавке. Вера с удивлением отметила, что у мужчины не короткая стрижка, а стильная прическа на темных волосах средней длины. Кстати, это ему необычайно шло, как ни странно, не смягчая образ, а, наоборот, усиливая впечатление силы и мужественности.

Ну не красавец, но ой-ей-ей! Привлекательный, как сам черт. Зараза!

Они представились, и Вера, севшая с ним рядом, на мгновение утонула в его обманчивых, жестких как сталь, с синими крапинками тепла, глазах.

Егор Бармин. Ему шли и имя, и фамилия, подчеркивая излучаемую им силу и загадочность личности.

И он не скрываясь проявлял к ней интерес. Верочка это прекрасно чувствовала и понимала и... и пошла бы с ним тем вечером на общие гулянья, и подпевала бы песням у костра, и выпила бы, наверное, винца немного, и, может, даже целовалась бы с ним в небольшом сосновом подлеске у главной поляны. И призадумалась бы о продолжении знакомства, а потом, кто знает... Еще неизвестно, откуда он приехал, там, на реконструкции, народу собралось из разных городов и весей, люди и с Северов приезжали специально. Но и это бы выяснилось, и у них либо сложилось что-то, либо нет. Главное, что она первый раз за несколько лет по-настоящему заинтересовалась мужчиной, и кровь стучит, и все как-то правильно интригующе в душе... Позабытое уже чувство – ожидание чего-то – немного захватывает дух!

А не судьба, видимо. Совсем не судьба. Не срослось.

Ивану к вечеру стало хуже, поднялась температура, и его срочно потребовалось эвакуировать в областной центр. Вере пришлось ехать сопровождающей, как человеку, знающему весь ход операции и клиническую картину больного, да и сам больной держал ее за руку и просил его не оставлять.

Просидев сутки рядом с Иваном и его родными, которые примчались, как только узнали о беде, Вера уехала в Москву и практически все оставшиеся от трехдневной отгульной лафы сутки проспала, добирая сон вперед с запасом на всю следующую рабочую неделю.

Она могла бы попросить Васильева, и тот быстро отыскал бы данные об этом Егоре Бармине – Виктор Аркадьевич был одним из постоянных членов клуба памяти ВОВ, еще с самого его образования, и дружил с его организаторами, у которых имелись подробные списки участников той реконструкции. Но Вера не стала.

Вполне вероятно, что Егор благополучно женат и имеет пятерых детей или троих, или одного ребенка, что, собственно, не меняет сути, а все, что миражом проскочило между ними, – интерес, нечто обещающее, могло быть просто весенним флиртом, или его желанием-ожиданием очередной интрижки на стороне.

Подумала: а если не женат, свободен и если действительно сильно ею заинтересовался, то сам найдет, ну а не станет искать... Если нет, то и не надо. Вот так.

Так бывает. Часто именно так и бывает в жизни. Людям неожиданно предоставляются новые возможности, судьба подкидывает шанс, но вдруг что-то незначимое, мелочь какая-нибудь, не срослось что-то, помешало в тот момент, и всего лишь нужно приложить совсем небольшое усилие, чтобы не упустить эти новые возможности, но... Но за ленью, инертностью, за укоренившимися комплексами и привычным страхом быть отвергнутыми, за простыми, рутинными делами, мы упускаем этот шанс и проходим мимо, грустно думая: «А могло бы быть!» И все.

И знаете, что самое страшное? А ведь действительно могло быть!

Вот и у Веры образ Егора частенько всплывал в памяти, вызывая что-то теплое внутри и немного грусти, что не сложилось, и легкую обиду: ну что ж ты, Егор Бармин, не разыскал, не проявил мужскую инициативу! А ведь вроде орел.

Вместе с мокрым полотенцем отбросив отстраненные от деятельного утра мысли, Вера вышла из ванной комнаты и направилась в кухню, где обнаружила Милку, колдующую над туркой с кофе.

– Привет! – улыбнулась ясной утренней улыбкой подруга. – На тебя тоже варю!

– Это ты правильно делаешь, – похвалила Вера и поинтересовалась: – Что будешь: творог, тосты, яйца, кашу?

– Все! – рассмеялась Милка.

Да, вот уж кого Господь аппетитом и метаболизмом не обидел! Мечта любой женщины – есть все, что захочешь, и иметь офигенную фигуру при этом. Повезло подруге, она могла уплетать пельмени тарелками и заедать хлебом с маслом, не прибавляя при этом ни грамма веса. Бывает же такое!

– Ты договорилась про завтра? – спросила Милка, выставляя на подставочку на столе турку с кофе.

– Договорилась, – вздохнула Вера. – Но придется отработать две смены подряд.

– Вот и ладненько, – порадовалась Милка, привычно проигнорировав чужие трудности, – а то мне без тебя скучно будет, народец придет так себе, сплошной пафос и понты.

– Милка! – возмутилась в который уже раз Вера. – Это же твой день рождения, пригласи того, с кем тебе хорошо и кто тебе нравится.

– Вот я и приглашаю тебя! – упорствовала Милка в своем понимании жизни. – Ты же знаешь, это друзья Влада.

Да бог с ней – не стала спорить Вера. У Милки свои очень строго выстроенные житейские законы, правила и приоритеты, и свой весьма непростой характер, спорить бесполезно. В четыре руки быстро соорудили завтрак, поели, собрались, вместе вышли из дома и разошлись – Вера к метро, Милка в свою машину.

На работу Вера шла всегда с удовольствием, но и с подавляемой, загоняемой в самый дальний угол грустью. Однако стоило ей переступить порог родного отделения экстренной хирургии в институте Склифосовского, в котором она работала старшей операционной сестрой, как любые грусти улетучивались сами собой.

Есть работа и ее надо делать.

Верочка Брацкая на самом деле с детства знала, что станет врачом, да в этом никто и не сомневался. Правда, родня удивлялась – и в кого это стремление и призвание? В семье никогда не было медиков, даже среди прабабушек и прадедушек.

Мама Верочки Евгения Максимовна преподавала историю в школе, папа работал инженером на заводе, бабушка, мамина мама, Василиса Мироновна являлась преподавателем по классу фортепьяно. Дедушку, маминого отца, Верочка помнила смутно, он умер, когда она была еще совсем маленькой, а с папиной стороны бабушек-дедушек так и вовсе не наблюдалось, только его дальняя родня на Кубани, двоюродные, троюродные тетки-дядьки. Но и среди них врачей не нашлось.

А тут ребенок чуть ли не с пеленок решил, что станет лечить людей. Да и с Богом, как говорится, никто препятствовать не собирался, а ровно наоборот – и поддерживали в этом решении, и помогали чем могли.

Училась Верочка, понятное дело, хорошо, налегала на профильные дисциплины – химию, биологию, ездила на олимпиады и даже частенько в них побеждала.

А в ее пятнадцать лет случилось два судьбоносных события.

Умер папа. В один момент! Позвонили с завода и сообщили, что Степан Андреевич скоропостижно скончался. Ему было сорок четыре года, и он умер от тромба.

– Он даже не понял, что умирает, – объяснял им патологоанатом, – это в одну секунду произошло.

На следующий день после похорон отца Верочка замкнулась в себе до суровой строгости и отчужденности, не сказав ничего ни маме, ни бабушке, она отнесла документы в медицинский колледж.

– Верочка, при твоих оценках и достижениях, как можно бросать школу и идти в колледж? – недоумевала директор школы, пытаясь отговорить девушку от этого шага.

– Иначе мне придется два года отработать санитаркой, чтобы поступить потом в мед, – слишком серьезно объясняла Вера. – Без стажа в мединститут практически никого не берут. А мне надо людей лечить, чтобы они от тромбоза не умирали!

Сказала, как отрезала – и вперед, учиться!

Это потом она, где-то через полгода, отошла, оттаяла и выплакала обиду на смерть отца у мамы с бабушкой на плече, а тогда ни плакать, ни разговаривать не могла – зажалась вся внутри, как зверек от непонимания, как же такое возможно! И ходила, говорила, действовала как оловянный солдатик – строго, правильно, без эмоций, под девизом: «Так надо!» Ничего, решили мама с бабулей, пройдет, и опекали как могли, разговаривали, пытались объяснить, что и так в жизни случается. В разговоры Вера не вступала, просто слушала, сурово сведя бровки, превратившись в малолетнюю комиссаршу. Пережили и это. Отошло, отпустило.

А в колледж она правильно пошла, и окончила его с отличием, и поступать в институт решила не в своем областном городе, а в Москве самой. Мама с бабушкой такое решение поддерживали.

– Ну, если поступишь на бюджет, да общежитие тебе дадут, тогда мы потянем, – высказала мнение мама на общем собрании за кухонным столом, огласив повестку дня: «Поступление дочери».

– Я буду очень стараться! – пообещала воодушевленная Верочка.

И старалась, и поступила на бюджет на лечебный факультет, на хирургию, как и хотела, и место в общежитии ей дали! Ну, все! Ура! И еще раз: ура!

Училась Верочка от души и с удовольствием. Но чуть не завалила всю учебу на третьем курсе, впрочем, это другая, отдельная, история. И с этим Вера справилась.

После окончания пятого курса Верочка приехала домой на каникулы. И они с мамой и бабулей, женским коллективом, отметили ее приезд и великолепно сданную сессию.

– Ну что, – подняла бокал с вином бабушка, торжественно произнося тост. – Остался один год учебы, интернатура – и ты доктор! Мы с твоей мамой невероятно гордимся тобой, ты молодец!

– Это вы у меня молодцы! – перехватила инициативу Верочка. – Вы тут мой тыл, стена и опора и вы такие умницы, здоровые, веселые, и у вас хватает сил и терпения учить меня, содержать!

– Ну, ладно вам, хватит! – остановила их мама. – Что вы тут не здравицы, а подведение итогов устроили! – И в свою очередь подняла бокал с вином. – Бабушка наша таким бодряком, не чета ее сверстникам, еще учеников принимает дома, ты, Верочка, тоже умница большая и не очень-то мы тебя содержим, старших слушать не хочешь, подрабатывать взялась, хоть мы и против, нельзя так надрываться. Ну и я у вас молодцом. Так что все мы с вами молодцы, за это и выпьем!

Как сглазили они тогда. Точно мама сказала – «подведение итогов».

На следующий день маму сбила машина. Бесбашенные сынки крутых областных папенок устроили скоростной заезд по улицам среди бела дня, и одна из машин на бешеной скорости вылетела на автобусную остановку, где, среди прочих людей, стояла Евгения Максимовна.

Это очень странно, но Вера вышла из торгового центра и, задержавшись на площадке перед ступеньками вниз, почему-то посмотрела на остановку, на которой они совсем недавно расстались с мамой – Вера пошла положить деньги на телефон в магазин, чтобы договориться с друзьями о встрече, а мама ехала в школу по каким-то делам. Знаете, так все наверняка сделали бы – посмотрели на остановку, стоит ли еще родной человек, дожидается или уже уехал.

Но нечто неизвестное в сознании Веры, помимо естественного любопытства, словно сигнал какой-то странной тревоги включило. Она заметила зеленое пятно маминого платья, и почему-то, совершенно неосознанно, двинулась туда, словно ее тянуло к маме, и еще более непонятно отчего зашпешила и вдруг побежала.

Девушка не знала, почему надо торопиться и что внутри нее диктует ей поступать именно так, ведь ничего не происходило и еще ничего не предвещало беды, а Верочка бежала к остановке, все ускоряя темп... Она не слышала ни испуганных криков людей, ни визга тормозов, только увидела на бегу, как нечто страшное, темное влетело в остановку, беспощадно ударило ее маму, и та отлетела в сторону.

Вера страшно, ужасно закричала! Закричала так, что голове, горлу стало больно!

Она неслась туда, к ней, и кричала! Подлетела, оттолкнула кого-то, стоявшего на пути, и упала перед мамой на колени. Она лежала на боку, как поломанная кукла, с вывороченными неправильно ногами, прекрасное зеленое платье задралось выше колена, на подоле его расплывалось, становясь все шире и шире, кровавое пятно. Вера задохнулась от ужаса, отказываясь верить в то, что видит! Но вдруг, через весь смертельный кошмар и панику, в сознание Веры пробился некий голос, словно механический, громко, без эмоций оглашавший возможный диагноз и клиническую картину.

Этот голос спас и маму, и Веру!

Он отрезвил, перекрыл наползающий мрак кошмара и боли. И она не схватилась тут же переворачивать маму, как требовала ее дочерняя любовь, – увидеть, убедиться, что жива, прижать к себе! – а, стерев слезы, застилавшие глаза, глубоко вдохнула-выдохнула и приложила пальцы к сонной артерии у мамы на шее, проверяя пульс.

И принялась быстро действовать на автомате, руководимая этим механическим голосом в голове, теперь уже контролируя себя, не позволяя эмоциям помешать. Выдернула пояс из своей юбки, наложила жгутом на бедренную артерию, останавливая кровотечение, из сумочки, которая была перекинута через плечо и шею, поэтому и не потерялась, пока Вера бежала, достала ручку, выдрала откуда-то клочок бумаги, написала время наложения жгута. И принялась с максимальной осторожностью ощупывать тело мамы с головы до ног.

Она все что-то делала и делала, уже не отдавая себе отчета – заматывала разбитую голову, перевязывала руку, останавливала кровотечение как могла. Кто-то подходил, помогал, выполнял ее распоряжения, кто-то сунул ей бутылку минеральной воды – это все оставалось за пределами ее внимания. Потом чьи-то сильные руки, взяв за плечи, повернули, и мужчина, наклонившись близко к ее лицу, чеканя слова, сказал:

– Дальше мы ею займемся. Ты молодец.

– Это моя мама, – сухим горлом ответила Вера.

– Тогда поедешь с нами, – распорядился мужчина и, подав руку, помог ей встать с колен.

Только тогда Вера вернулась в реальность, посмотрела по сторонам и увидела всю чудовищность картины – развороченный железный остов остановки, битое стекло, лужи крови и двух погибших. Она сразу поняла, что эти люди мертвы.

Вера спасла маме жизнь. Если бы она не была рядом и не оказала Евгении Максимовне квалифицированную медицинскую помощь в первые же минуты после аварии, совершенно точно мама бы тоже умерла.

Потом потянулись страшные часы около операционной, а потом...

Все было очень сложно и плохо. Совсем плохо. Повреждение позвоночника на фоне других не менее тяжелых травм. Вера практически поселилась в больнице, не отходя от мамы, бабушка осталась на хозяйстве.

В конце августа Евгению Максимовну перевезли домой, и стало совершенно очевидно, что она недееспособна и в ближайшее время не встанет, а может, не встанет вообще... У бабушки на почве таких переживаний и перегрузок случился сердечный приступ, и теперь в больницу попала она. Верина детская мечта спасать и лечить людей, особенно близких, как-то слишком жестоко и быстро воплотилась в жизнь.

И понятно стало, как божий день, что иного выхода у Веры не оставалось – она съездила в Москву и оформила академический отпуск на год. Некому, кроме нее, было ухаживать за

мамой и бабулей, близких родственников у них не имелось, да и с дальними они особо связь не поддерживали. Ну и денег, понятно, тоже не было.

Вера устроилась в областную больницу операционной сестрой. Они переселили бабушку в их с мамой квартиру, бабушкину жилплощадь сдали, а Вера набрала себе подработки, и после смены ездила по квартирам пациентов и ставила капельницы. И тащила на себе все хозяйство, и устраивала маму в какие только можно лечебные центры и программы, пользуясь своими служебными связями и положением, пробила для нее через Минздрав инвалидную коляску.

Диагноз неутешительный. Никакие реабилитационные мероприятия и процедуры не помогали. Требовалось несколько дорогостоящих операций, как у нас в стране, так и за рубежом.

Год прошел. И Вера поехала в Москву отчисляться из института. Страшнее решения об отчислении в ее жизни была только та авария – девушка словно себе приговор подписала на пожизненное заключение. Она говорить не могла, когда декан, увидев ее в коридоре, взял за руку, привел к себе в кабинет, усадил и потребовал:

– Рассказывай! – и, не услышав ответа, возмутился: – Ты не можешь, права не имеешь вот так взять и бросить институт! У тебя дар, талант, ты лучшая ученица на курсе, а разбрасываешься этим, ради чего?!

И первый раз с момента аварии Верочка заплакала и принялась рассказывать, захлебываясь слезами, словно тонула в трясине безвыходности и потерянной окончательно мечты. Нет у нее теперь своей жизни.

Василий Николаевич подсел рядом, не успокаивал, совал в руку бумажные салфетки одну за другой, сам слезы пару раз вытер и ждал, когда Верочка выплачется.

Поплакали. Потом проговорили больше часа.

Он очень помог Верочке – договорился с одним уникальным доктором, нашим, российским, о том, чтобы тот прооперировал Евгению Максимовну при минимальной оплате. Но даже минимальная эта сумма оказалась неподъемной!

Вера было сунулась за компенсацией, которую присудили выплатить виновникам аварии, – да какое там! Присудить-то им присудили, да кто ж даст! Вот бегают приставы за папаями тех двоих, да сейчас, как же! – у тех кабинеты, охрана и вообще они важные чиновники областного значения!

К черту! Тратить силы, время, здоровье на них – пусть удавятся! Бог их рассудит.

Продали бабушкину квартиру. Пришлось Верочке уволиться и отвезти маму через полстраны в клинику к тому знаменитому доктору. Да, далеко не все лучшие специалисты работают в Москве. Но то, что они к нему попали, это такая удача, это просто подарок небес и замечательного человека, декана ее факультета!

Около двух месяцев мама проходила лечение, а Верочка находилась с ней. Евгении Максимовне провели несколько операций, весьма удачных, и теперь настал самый важный и тяжелый момент – долгий реабилитационный период с ежедневными процедурами, специальными занятиями и тренировками. А это море терпения, преодоления себя каждый день, и специалисты на дому и в центре, в который, кстати, добраться надо колясочнику-то!

И это деньги, деньги, деньги...

Теперь уж ни продавать, ни сдавать было нечего. Вера пересмотрела программу маминых реабилитационных планов, пошла на специальные курсы прямо в больнице, где работала, отучилась и большую часть занятий взяла на себя. И не позволяла себе жалости, когда видела, как мамочке больно, как она устала и иногда отчаивается – обнимались, плакали, жалели друг друга – и продолжали упражнения. Так и жили.

И динамика положительная стала более и более заметной. И в этот момент приехала как-то навестить родителей Милка, Верина где-то даже подруга, ну, это ровно настолько, насколько Мила понимала дружбу.

Вера с Милкой были одноклассницами и соседками по дому. Точнее, семья Милы жила по соседству с бабушкой, а так как Вера проводила довольно много времени у бабули, с Милкой они считались подружками. Ну, не ругаются, учатся в одном классе, значит, подружки. Как-то так.

На самом деле Милку звали Милена. Ее мама решила, что у девочки должно быть уникальное, редкое имя, чтобы она выделялась и обязательно стала счастливой. В результате этих благих намерений ребенка с детского сада кроме как коровьей кличкой Милка по-другому и не называли. Проигнорировали красоту имени пролетарские дети, а девочка не смогла себя так поставить, чтобы не проигнорировали. Впрочем, во-первых, Милку мало интересовали окружающие и их мнения, а во-вторых, это нисколько не помешало ей более-менее удачно пристроиться в жизни, ну, по крайней мере, не бедствовать и кое-чего достичь. Уж получше большинства бывших одноклассников, это точно.

Их дружба особо не закрепилась, потому что, во-первых, Вера ушла после девятого класса в колледж, а последние годы в школе самые важные для закрепления дружбы. Ну и, во-вторых, и, пожалуй, в главных, у Милки понятие дружбы было весьма своеобразное и, как правило, сводилось к тому, что удобно и выгодно лично ей. Но она молодец, никогда не скрывала такого расчетливого подхода к отношениям с людьми, никогда не пыталась приукрасить эту свою позицию житейскую, придать ей некую красивую обертку, не подставляла и не мошенничала с людьми. Использовала в открытую.

Милка уехала в Москву за два года до Веры, которая тогда еще училась в колледже, сразу после школы, поступила в институт культуры, закончила его, став специалистом по проведению развлекательных программ, каких-то шоу, что-то в этом роде. Одним словом, все, что мы видим на концертах, во всяких шоу-программах, а также закрытые и не очень мероприятия богатых и известных – вот устраивать и организовывать такое и было специальностью Милки.

Окончив институт, она осталась в Москве, что естественно с ее-то энергией и амбициями, не назад же возвращаться. При этом за время учебы девушка успела поработать на многих «площадках», как они это на профессиональном сленге называют, и обзавелась деловыми знакомствами и связями. Вот в том, что Милка пробьется в самые высшие круги и карьеру сделает, Вера не сомневалась ни минуты – умела подруга не только расчетливой быть, но и общаться с людьми, становиться им полезной, словом, имела массу нужных черт характера.

Она уже находилась пусть не в середине, но точно в одной третьей пути наверх, когда встретился ей некий «попутчик» Влад. Мужик тридцати пяти лет, удачливый богатый бизнесмен, имевший множество знакомств среди медийного бомонда и политиков, некоторые из которых кое-чем, а то и многим ему были обязаны. Разумеется, женат и имеет двоих детей. Встретились они с Милкой на одном из великосветских мероприятий, и, что называется, нашли друг друга.

Надо заметить, что никакой тяги к проституции для достижения своих больших целей у Милы не имелось. Девочка она хоть и расчетливая, но, самое главное, умная и прекрасно понимала, да и примеров навидалась в той среде, где работала, что этот путь временного, и, как правило, быстро проходящего успеха. И уж если торговать телом, то делать это разумно, рассчитав все возможные выгоды. Влад оказался именно тем мужчиной, который на этом этапе ее жизни мог очень сильно помочь в продвижении ее карьеры, знакомя с нужными людьми, а попутно еще и материально улучшить уровень ее жизни.

Через неделю Милена уже жила в огромной квартире, снятой для нее, а через два месяца ездила на новенькой, не то чтобы дорогой, но таки и не дешевой машинке.

Большую часть московской биографии подруги Вера знала, так как они хоть редко, но встречались, когда она училась в Москве, а о новых изменениях в своей жизни Милка рассказывала ей, когда они встретились в кафе, куда она пригласила Веру посидеть после работы.

– Я вот что подумала, – перешла к делу после вступительной части Милка, – переезжай-ка ты, Вера, ко мне в Москву.

– Мил, ты же знаешь... – начала было Вера, но Милка ее перебила:

– Ты тоже знаешь, что благотворительность – не мое кредо, – совсем по-деловому заговорила она. – Влад снял мне квартиру у своих друзей, которые уехали на несколько лет работать в Европу. Квартира удобная, престижная, в центре, но очень большая. Он оплачивает мне уборщицу, но довольно скромно, он вообще деньги считать умеет и прижимист бывает, так что она только убирает, и ничего больше не делает, это совсем других денег стоит. А я и весь этот быт... ну ты знаешь, это не мое. Но в беспорядке тоже жить не могу, да и Влад любит комфорт и уют. Вот о тебе и подумала в первую очередь.

– Предлагаешь к тебе уборщицей устроиться? – усмехнулась Верочка.

Грустно усмехнулась. А потому как если за действительно хорошие деньги, и побольше того, что она сейчас зарабатывает, то и уборщицей пошла бы! Плакала бы втихаря по ночам от отчаянья и безнадёги, но пошла бы!

– Нет, конечно, – даже удивилась такому вопросу Милка. – Я предлагаю тебе поселиться со мной, за квартиру ты, естественно, платить не будешь, все оплачивает Влад, но и бесплатно проживать тоже, сама понимаешь, не получится. Ты возьмешь на себя все хозяйство. Ну, там, что купить надо, постирать-погладить, за вещами моими следить и так далее. Обсудим в деталях, если согласишься. Я все понимаю про Евгению Максимовну и Василису Мироновну, поэтому и делаю тебе это предложение. Я кое-что выяснила через знакомых. Если ты устроишься работать в московской клинике, то зарабатывать будешь в несколько раз больше, чем сейчас. А я тебе помогу, Влада подключу, если надо.

– Ничего себе, – поразились такому предложению Вера и уточнила прямым текстом: – Мил, тебе на фиг это надо? Твой Влад и квартиру снял, чтобы ему никто не мешал проводить время с любовницей, на кой черт вам там квартирантка?

– Да не будешь ты нам мешать, – отмахнулась Милка, – там такая планировка, что ни ты нас не увидишь, не услышишь, ни мы тебя за редкими исключениями, о которых мы договоримся заранее. А насчет зарплаты, так я точно тебе говорю. Теть Жене теперь не требуется сиделка и такой уход, как раньше, справятся они и одни с Василисой Мироновной. А ты зато нормально зарабатывать станешь и обеспечишь их уж лучше, чем сейчас.

– Ну, вообще-то у нас большой прогресс, – улыбнулась радостно Вера, – мама встает, стоит по несколько минут.

– А я о чем, – быстро перебила Мила, она вообще не любила слушать о чужих проблемах и вникать в них. – Справятся они вдвоем?

– Думаю, справятся, – ответила Вера, прикинув в уме, кого сможет нанять им в помощь.

Но давать согласие подруге не спешила. Обдумывала предложение, с мамой и бабушкой вечером все обсудили на кухне.

– Езжай, Верочка! – воодушевилась Евгения Максимовна идеей и перечислила пункты «за»: – Пенсию по инвалидности мне платят, мама пенсию получает, я скоро ходить начну и уже поговорила с девочками, они мне учеников подкинут.

– Каких учеников? – поразились необычайно Вера.

– Да я тебе рассказывать пока не хотела, – призналась мама. – Я уж третий месяц английский язык восстанавливаю, ты же помнишь, что я языком владела. Вот все думала, как тебе помочь, и решила заняться репетиторством на дому. А что, чувствую я себя сносно, пару учеников спокойно смогу принять...

– Мама! – перебила возмущенно Вера. – Какие ученики? Тебе восстанавливаться надо, заниматься! Да и справляюсь я, не бедствуем мы, на все хватает.

– Вот что, Вера, – строгим, наставительным тоном остановила ее возмущение мама. – Просто так сидеть дома инвалидом я все равно не стану. Ходить начну в ближайшее время,

занятий не оставляю, но я молодая женщина и хоронить себя без дела в четырех стенах не намерена. Для начала займусь репетиторством, попробую, а там посмотрим, как пойдет. А ты непременно езжай в Москву, может придумаешь, как закончить институт, с Василием Николаевичем поговори, может подскажет, как это сделать. А мне тут мама поможет.

– Я помогу! – бодро отозвалась бабушка и, глядя на удивленное лицо внучки, добавила: – Мы справимся, Веруша, обещаю никаких хворей!

Но прежде чем дать согласие Милке, Вера, хоть уже все решила, поставила подруге свое условие:

– Мил, я соглашусь при определенных условиях. Ни ты, ни твой Вадим не будете воспринимать меня как приживалку, как обслуживающий персонал и как человека, по гроб жизни вам чем-то обязанного. Если ты хочешь, чтобы я вела хозяйство, то никаких приказов и наставлений ты давать не станешь. Ну, пожалуй, кроме начального этапа, пока мы будем разбираться, что и как заведено у тебя в доме. Но как только я освоюсь и возьму все в свои руки, вариант барыня-служанка не возникнет. Тебе придется объяснить это своему Вадиму.

– Да я ничего другого не ожидала и не думала тебя прислужой нанимать! – отмахнулась Мила. – Ты, Вер, никогда, ни при каких условиях не будешь обслуживающим персоналом, даже если полы мыть станешь или ноги богатым мужикам. У тебя врожденное достоинство, как у дворян прошлого. Всегда этому завидовала, – вздохнула Милка и пожаловалась: – Из меня все плебс прет, приходится с ним бороться и контролировать. А ты у нас королева всегда была, осанка, подбородок вверх, и вроде никакой надменности и пренебрежения к людям, а повыше, повыше стоишь и на расстоянии. Как у тебя это получается? – Вдохнула расстроено, а выдохнула уже по-деловому.

И они принялись обсуждать детали их совместного проживания. Как говорится, договариваться на берегу.

Первое, что отметила Вера, войдя в квартиру, это то, что она странной планировки, второе – действительно большая. У хозяев апартаментов было двое детей, старшая девочка и сын, с большой разницей в возрасте. Квартира делилась широкой прихожей на правую и левую части, левая, в которой и поселилась Вера, принадлежала старшей дочери. Левая часть получалась отдельным жильем и состояла из двух комнат: спальни и не очень большой гостиной, оборудованной для подростково-молодежной компании друзей девочки. То есть там имелась небольшая барная стойка, удобные кресла-диваны трансформеры, которые можно убрать, освобождая место для танцев, и, естественно, телевизор и музыкальный центр. А рядом душевая комната и туалет. Длинный коридор вел в центральную часть, где располагалась большая кухня-столовая, за ней главная гостиная, напротив нее хозяйская спальная, рядом детская и в торце помещения большие ванная и туалетные комнаты.

Левая, девичья, часть отделялась от остальной квартиры дверью. Так что Милка оказалась права – помешать друг другу они не могли – дом старый, звукоизоляция достойная. К тому же в барном закутке гостиной, предназначенной Вере, имелся маленький холодильник, электрический чайник, встроенная электрическая плита на две конфорки и раковина с краном. Считай, полная автономия.

Влад оказался таким тертым ушлым мужиком тридцати пяти лет, немного заплывшим жирком, рыхловатым от малоподвижного образа жизни и любви к ресторанному гурманству с достойным вином. Первые месяцы между ним и Верой возникло несколько напряженных моментов, но они довольно скоро пришли к взаимопониманию и выстроили свои отношения, которых, надо признать, практически-то и не было, на ровной, уважительно отстраненной основе.

Первым делом, приехав в Москву, Вера записалась на прием к своему декану. Василий Николаевич встретил ее очень радушно, чаем угостил, расспросил, как продвигается реабили-

тация мамы, какие достижения, а узнав, что Вера вернулась в Москву, оживился пуще прежнего.

– Это очень хорошо, Вера! – обрадовался он. – Надо прикинуть, может, мы что-то сможем сделать, чтобы ты закончила институт!

Вера поделилась планами насчет работы в хорошей клинике и надеждами на зарплату, и даже спросила, не подскажет ли он, куда лучше попробовать устроиться.

– Не надо тебе в клинику, – подумав, сказал Василий Николаевич. – Зарплаты там и в самом деле достойные, но конкуренция высокая. Там же от проведенных операций и процедур деньги начисляют, поэтому тебя к ним допускать будут редко и то к малобюджетным, свои кадры есть, да и не берутся они за все подряд. А в больших профильных клиниках для узкоспециализированных операций тоже постоянные кадры имеются. А тебе практика нужна и желательно по всему возможному спектру травм и заболеваний. – И тут декан оживился: – А знаешь, я тебя к своему приятелю в Склиф определяю, в экстренную хирургию! То, что надо! Ты имеешь право ассистировать при необходимости, а он тебя многому научит, и практики там завались, устанешь учиться!

Вот так с легкой руки Василия Николаевича Вера и пришла в Склиф к Виктору Аркадьевичу, который сразу отправил ее в отдел кадров, с которым уже все обсудил и договорился, а потом уж...

– Будьте добры на собеседование, посмотрим, что там Васька в вас такого особенного узрел!

Собеседование не состоялось. Или можно считать, что состоялось? Когда Верочка спустилась на первый этаж и уже собиралась войти в ординаторскую, по громкой связи объявили о доставке пострадавших, дверь распахнулась, и, отодвинув ее в сторону, один за другим торопливо вышли медики.

Вера потянулась за ними, посмотреть, что происходит у стойки приемного и как тут работают.

– Что стоишь? – на ходу крикнул ей Васильев. – Помогай принимать, большая авария на МКАДе. – А кому-то в сторону: – Валя, дай ей робу!

Через три минуты, которые заняло переодевание, Вера уже была в общем котле приема и распределения раненых и пострадавших.

– Диагностируй! – кричал ей Васильев, слушал ее вердикт и снова строго требовал: – Какие оперативные действия?

Когда всех приняли и распределили по операционным, процедурным и палатам экстренной помощи, а Вера переоделась в свою одежду, ее нашел Васильев и удивился:

– А что ты здесь?

– Переодеваюсь, – расстроилась такому ужасному вопросу Верочка, решив, что не подошла она им и сейчас ей откажут в месте.

– Уже пять минут назад должна у заведующим сидеть и график дежурств получать! – строго отчитал он.

– Вы меня берете? – обалдело уставилась на него девушка.

– Я еще из ума не выжил упустить такого специалиста, – усмехнулся ее растерянности Васильев, как-то по-отечески положил руку ей на плечо и пообещал: – А насчет того, как тебе институт закончить, подумаем. Василий сказал, ты талант. А пока я тебя подучу.

Вот уже почти два года она в Москве. Мама все уверенней ходит, уже и на улицу выходить начала и все-таки взяла двоих учеников, больше ей не по силам пока, и то для них с бабушкой подспорье. Институт так и остался несбыточной мечтой, которая все меркнет и меркнет тающим миражом, по мере того как течет незаметно-стремительно время. Смонтировать и состыковать хоть как-то необходимость зарабатывать и очное обучение ни у Веры, ни у заме-

чательного человека Василия Николаевича никак и не получается. Через несколько месяцев ей двадцать восемь лет стукнет, и что дальше с учебой?..

Шестой, самый сложный курс. Вера его уже наизусть знает, штудирова в свободное время учебники и чьи-то старые конспекты лекций, которые дал ей Василий Николаевич! Но сдать экзамены экстерном ей не разрешил ректорат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.